ложению книгопродавца Ширяева осенью 1816 года и, как писал: «Труда было довольно, но я никогда такими упражнениями не тяготился; они были в моем давнишном и привычном вкусе».[11] В то время, когда оно печаталось, он с семейством ездил на юг России, и корректуры высылались в определенные места по маршруту его поездки. Об этом он писал в записках о «Путешествии в Киев в 1817 году», что в Девицах его ждали корректурные листы первого тома, а в Киеве в лавке он увидел книгу уже изданной и «очень обрадовался сим новым начаткам старых моих произведений...».[12]

Внесение замечаний в экземпляр по времени связано с другой работой Долгорукова, которая велась одновременно,— составлением мемуарного свода «Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни». В. И. Коровин, переиздавший «Капище», датирует работу над ним 1818 годом.[13] Окончание работы фиксирует сам Долгоруков, записав в мемуарах под октябрем 1820 года: «Я кончил мой Лексикон».[14] Почти все расшифровки в экземпляре присутствуют и в статьях, посвященных этим же лицам в «Капище». Если не буквально, то текстуально очень близко совпадают там и здесь характеристики персонажей и отношений их с автором. Складывается впечатление, что экземпляр собрания сочинений с пометками служил Долгорукову предварительным путеводителем по кругу тех лиц, которых он заносил в «Капище».

По содержанию разнообразная правка Долгорукова на практически полном собрании его стихотворений симптоматична для характеристики его личности. Наследник одной из самых знатных русских фамилий, светский человек и крупный чиновник, он не принадлежал ни к заскорузлым консерваторам, ни к «либералистам» начала XIX века, в общем оставаясь человеком вполне благонамеренным. Подобно Карамзину-историку он не видел необходимости каких бы то ни было масштабных преобразований в русской жизни. По поводу конституционных проектов он писал: «Дело в человеке, а не в хартии <....> Нравы переменялись, и воля царя давала им угодное ему направление <...> Я с теми мыслями сойду в гроб, что нет правления лучше единодержавия, когда самодержец — человек Божий по уму и нраву».[15] Его цепкий и живой ум подмечал в русской жизни смешные несоответствия между сложившимися обычаями и идеями европейского Просвещения. Недаром его триада «Авось», «Везет» и «Живет» оказалась столь популярной в публике (ср. в десятой главе «Онегина» стих «Авось, о Шиболет народный.. ») Любопытны и чисто бытовые наблюдения Долгорукова, вроде иронической сценки в толпе крестьян. «Один мужик кричал другому: „Для меня мир важнее барина!“ Слава богу! И мужики входят во вкус политической свободы».[16]

---

[11] Там же С 978

[12] *Долгоруков И М* Путешествие в Киев в 1817 году М , 1870 С 26, 109 (Далее «Путешествие в Киев»)

[13] Капище М , 1997 С 351

[14] Повесть С 1054

[15] Путешествие в Киев С 156

[16] Славны бубны С 3